

опиравшихся на официальную историософию, — становится особенно очевидным, если сравнить литературные разработки одной и той же темы. Наглядный пример такого принципиального отличия в освещении одних и тех же исторических фактов представляют литературные отражения авторами XIII в.¹ татаро-монгольского нашествия.

После первого татаро-монгольского нашествия 1223—1224 гг. летописец, растерявшийся от ужасов поражения, придал своему рассказу мистический оттенок, изобразив неотвратимость бедствия. Он с полным доверием передал слух о том, будто новые враги — это тот самый народ, который был заклепан в горах и который должен снова появиться „к скончанью времен“, т. е. к концу мира. Разгром русских князей — это „суд божий“. Разбитые вместе с русскими половцы наказаны богом за „кровь христианскую“. В изображении Серапиона Владимирского, первое нашествие и поход Батыя 1237—1238 гг. — наказание русским людям за „грехи“; он зовет их к покаянию как к единственному средству избавления. Соответственно такому осмыслению событий оба автора — и летописец и Серапион — прибегают к условному, антиреалистическому стилю именно тогда, когда они пытаются дать ответ читателю — как и почему обрушилось на Русскую землю такое страшное несчастье. Избавление от него — только в молитве, покаянии.

На таком осмыслении событий сошлись и летописец, писавший под непосредственным впечатлением первого нашествия, и Серапион Владимирский, неоднократно возвращавшийся к воспоминаниям об обоих разгромах, последний раз обратившийся к этой теме более чем через сорок лет после Калкской битвы.

Совсем иначе подошел к литературному отражению Батыева нашествия автор Повести о разорении Рязани.

Как человек своего времени, он отдал некоторую дань религиозным элементам изложения. Но за исключением традиционного уже для XIII в. в историческом повествовании объяснения всякого несчастья наказанием Божиим — „грех ради наших“, — привычных эпитетов иноверного царя-завоевателя „безбожный“, „льстивый“, „немилосердный“, „лукавый“, „немилостивый“, „враг крестьянский“, „зловерный“, „нечестивый законопреступник“, „злой отметник“ (при именах русских князей этим эпитетам противостоят подчеркивающие их „благоверие“: „благоверный“, „честный“, „блаженный“) и одной молитвы о помощи, — весь остальной рассказ о Батыевом нашествии представляет собой изображение исторической действительности, лишенное всякой мисти-

¹ Ошибочно сводит П. Н. Сакулин (Русская литература, ч. I. М., 1928, стр. 138) все повести о татарщине к изображению „борьбы христиан с погаными“, откуда в них открывался „доступ элементам церковного, в частности, агиографического стиля“. Во-первых, так расценивалась уже борьба с половцами, что также иногда вводило в повести „элементы церковного стиля“, а, во-вторых, есть повести о татарщине, лишенные этого налета церковности (о взятии Рязани, Задонщина). „Умильницами“ и „украшенными“ в духе агиографии стали не все повести.